

далъ и вскрикнулъ въ тревогѣ. Кудрявая полоска сизаго дыма танулась по горизонту, быстро приближаясь къ далекому вокзалу. И до того ужаснымъ показалось Туттолмину опоздать на этотъ поѣздъ и снова возвратиться въ Волхонку, что онъ даже въ лицѣ измѣнился. «Гони, Мокѣй!» закричалъ онъ. Мокѣй плевалъ на руки, поправилъ картузъ, и вдругъ возопилъ благимъ матомъ. Лошаденки рванулись въ испугѣ, колеса неистово загремѣли, сѣдая пыль за клубилась и затолкалась мутнымъ столбомъ... «Гони!» кричалъ Илья Петровичъ, не отрывая глазъ отъ поѣзда, побѣдоносно подходившаго къ вокзалу. Телѣжка подпрыгивала, пыль летѣла ему въ лицо и въ ротъ, Мокѣевъ кнутъ жгучей полоской проскользнулъ по его носу, а онъ ничего не примѣчалъ и, крѣпко ухватившись за края телѣжки, взывалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Гони, гони, Мокѣй!..

А. ЭРТЕЛЬ.